

УДК 930.1

Чертовских М.Г., кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии имени А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России (Россия)

ОБРАЗЫ ПОСТ-ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЛЕГИРОВАНИЯ¹

Может ли экономика существовать без людей? Сам этот вопрос звучит как шутка, однако в этом тексте мы постараемся подойти к нему серьезно. Чтобы экономика как совокупность экономических институтов, практик и отношений между людьми, могла существовать без нас, её необходимо делегировать. Делегирование — один из многих способов взаимодействия с технологиями, заключающийся в зачастую добровольном отчуждении части субъектности агента. Изучая теоретические основания для возможностей такого делегирования, исследование лишь поверхностно касается практических вопросов, сосредотачиваясь на теоретическом аспекте. Цель такого теоретизированного подхода в обозначении рамок дискуссии о постчеловеческой экономике и раскрытии её основных понятий. Размышление на эту тему заставляет в очередной раз задуматься об основных вопросах сугубо человеческой экономики: каковы её базовые концептуальные границы, какова роль техники и человеческой предприимчивости в её работе? Дискуссия об экономике без людей нужна, прежде всего, чтобы понять, каково всё это время было наше место в ней.

Ключевые слова: пост-человеческая экономика, цифровизация, технологическое делегирование, персонализированное производство, экономическая футурология, экономика знаний, медиа, постгуманизм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-102-109

Введение. Часто правдивые слова проносятся в шутку. Некоторые шутки и преувеличения сбываются так, как никто не ожидает. Мы слушаем лекции, смотрим программы и фильмы, читаем статьи о современном информационном пространстве, где каждое наше действие сопровождается машинами. Специальные автоматические алгоритмы и программы фиксируют цифровой след, другие настраивают результаты поиска, третьи предлагают «цены в последнюю минуту». Есть также те, которые обеспечивают транзакции, отслеживание заказов, некоторые выступают в роли консультантов или даже защитников потребительской свободы, проверяющих другие программы на предмет ошибок. В конце концов возникает желание перефразировать известную шутку из старого советского мультфильма: «Это что, вы и потреблять товары с услугами за меня будете?» Вопрос в том, насколько серьезно мы можем к этому подойти. Свобода выбора продукта, всегда являвшаяся спорным достоинством, поскольку в рамках капиталистического общества она исходно была манипулятивной, в настоящее время приобретает новые очертания. Это преобразование не может не вызывать

тревогу по той причине, что общество, в котором мы живем, предполагает формирование идентичности человека на основе его потребления [12, стр. 86–90]. И эта свобода была относительно безболезненно передана технологиям. Пусть это звучит как антиутопия, в целом, для экономического дискурса характерен уклон в этом направлении [10, стр. 55–56], а если вспомнить контуры актуальных дискуссий, то можно даже сказать, что экономика нового и новейшего времени всегда блуждала в концептуальных рамках между полюсами утопии и антиутопии.

В этом тексте поднимаются вопросы о пределах делегирования человеческого выбора, субъектности, желаний и, возможно, даже идентичности машинам. Пусть этот вопрос сопровождает наши рассуждения: «возможна ли экономика без людей?» Целью настоящего рассмотрения является анализ существующих тенденций в рамках актуальной экономики, способных привести к её независимости от человека. Разумеется, такое образование было бы странным и сомнительно ценным, по этой причине нас главным образом интересуют теоретические аспекты вопроса: насколько вообще экономика способна

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10093.

© Чертовских М.Г.
© Chertovskikh M.G.

существовать автономно, насколько ее возможно делегировать технологически? Для достижения поставленной цели проведен исторический концептуальный анализ основных положений экономики как сферы деятельности, а в основной части статьи обсуждаются технологические и культурные основания рассматриваемой трансформации.

Объект и методы исследования. Основным методом исследования является исторический концептуальный анализ. Если нам интересна экономика, то и начать стоит с её содержательного определения. «Домострой» («Οἰκονομικός»), в античном значении, искусство ведения домашнего хозяйства. На уровне этимологии эта привязка к дому сохранилась (через посредничество Цицерона – ср. «Oeconomicus») и в современных языках. Определений экономики множество, но их в целом можно свести к искусству налаживания системы использования ограниченных ресурсов в определенных конкретных условиях, а также к возникающим в процессе отношениям между людьми и другими сущностями: законами, институтами, географией, животными, техникой и т.п. Последняя оговорка важна: в рамках общего пространства экономики (того самого «дома» из античного слова) всегда будет обнаруживаться некоторое взаимодействие. Его отсутствие указывает на искусственность и стерильность образования, которое можно найти в централизованных на определенном типе агентов нарративах, как это бывает и в других сферах, например в истории, когда некоторый узурпирующий нарратив субъект начинает описывать происходящее с исключительно своей точки зрения. Даже на уровне состава человеческого организма всегда присутствуют другие организмы, которым он обязан своим функционированием. Уже из этих предварительных рассуждений, можно сделать вывод о невозможности абсолютно очищенной от человека экономики – даже если он не участвует в ней напрямую, его нахождение где-то на периферии этого объекта будет оказывать на него определенное влияние. Это возвращает нас к старым оппозициям «внешнее-внутреннее», «целое-часть» и т.п.

Однако, это не снимает вопроса о формах частичного замещения и наконец об искусственных образованиях, которые могут

быть созданы с научной (как модельный объект) или иной утилитарной целью. В более мрачных сценариях, учитывая, что они неизбежно встречаются в различных футурологических построениях, такой неестественный и искусственный объект как гомогенная экономика, может стать следствием катастрофы. На этот счет часто высказывались фантасты, вообразившие искусственные интеллекты, которые, одержимые запрограммированной целью производить, например, ботинки, уничтожают целые планеты, постоянно оптимизируя свою деятельность, пусть её конечного адресата уже не существует. Однако, и пусть это менее драматично, во многих соцсетях уже можно наблюдать «слёзные» и «трогательные» сгенерированные видео о несуществующих людях и животных, в комментариях которым соперничают боты. И это тоже в некотором смысле обмен, в данном случае в области символического капитала, который происходит без участия человека. «Самопонятная» реальность цифровой коммуникации, какой она мыслилась в начале Интернет-эпохи, пересобирается, раскрывая новых, ранее не столь значимых агентов информационного пространства [4, стр. 454 – 456].

Также экономика может быть делегирована в тех областях, где машины справляются лучше, и этот сценарий как более вероятен, так и более целесообразен с практической точки зрения. Напомним, что под делегированием в данном тексте понимается специфический способ обращения с техникой, при которой часть некогда находившейся у человека субъектности, переходит к некоему иному агенту, например, память делегируется глиняной дощечке или телефонной книге. В рамках экономики знаний подобное делегирование представить не сложно: машинные алгоритмы легко генерируют информацию и делают это все качественнее. Вероятно, достаточно скоро настанет день, когда человеческой культуры станет мало для обучения новых нейросетей и им понадобятся дополнительные сети, которые будут создавать культурные субституты для ещё более точной настройки алгоритмов.

Результаты и их обсуждение. Когда Зигмунд Фрейд писал трактат «Недовольство культурой», тема протезов не была для него центральной, однако именно здесь он вводит

метафору «бога на протезах» для обозначения человека [13, стр. 63–70]. Таким образом, протезирование понимается как внешне расширение, включающее в себя возможности, благодаря которым слабый от природы человек может обрести божественное могущество. Однако речь идет именно о протезах, и такой способ расширить возможности оставляет «незаживающую рану», напоминание о том, что существует граница между природой и культурой, и в этом проявляется характер технологии. В книге «Машина влияния» (2018) В.А. Мазин выделяет три типа технической экстернизации человека: протезы Зигмунда Фрейда, органопроекция Эрнста Каппа и медиа-расширения Маршалла Маклюэна [5, стр. 43–79]. В то же время, помимо их внешней направленности (стремления вовне), эти три «стратегии» имеют мало общего. Рассуждения Мазина во второй главе книги можно понять как историю технологического оснащения человека: стадия протезирования — это техногенез человека через создание речи и инструментов; стадия проектирования — это бессознательный поиск вдохновения в природе для создания функциональных искусственных произведений, подобных природе, продолжение человека в расширенной технической среде. Однако речь, вероятно, идет даже не об исторической последовательности, а о сосуществующих «стратегиях», хотя в рамках истории развития технологий это вполне можно представить как последовательные этапы, которые не отменяли друг друга, а последовательно суммировались. Так искусственные культурные объекты, о которых пишет Фрейд, позволили человеку осознать историю и пробудиться от вечного сна доисторического времени. Бессознательная проекция своей внутренней природы на окружающую среду, о которой пишет Капп, позволила человеку лучше понять себя через создание новой эпистемологической схемы, которая, присутствуя во внешней среде, сообщает человеку о чем-то внутреннем. Внешние расширения («extensions») Маклюэна [6, стр. 50–58] приводят к самоусилению путем самоампутации. Другими словами, когда техническое расширение подключается к человеку, оно также отключает часть его естественных возможностей, которые отвечают за ту же функцию, что и расширение [2, стр. 63–64]. Продолжим этот путь размышлений.

В то же время следует отметить, что самая известная работа Маршалла Маклюэна начинается словами о том, что наш мир расширялся в течение трех тысяч лет за счет фрагментации и накопления специфических знаний (и, следовательно, функций), а теперь, в течение одного столетия (XX), он стремительно сжимается [6, стр. 5]. По какой причине может происходить такое импозивное сжатие мира? Вероятно, это включает в себя сокращение пространства (или возможного количества) тех форм агентности индивида, которые способны оставаться непосредственными внешними расширениями. Любое взаимодействие в современности, включая профессиональное и даже межличностное, вынуждает отдавать часть своих функций на «аутсорс», и если календари, часы, записные книжки и прочие классические расширения подобного функционала личности нам уже привычны, они вписаны в саму ткань культуры, то нейросети ещё лишь предстоит в полной мере осознать на этом полотне. Тем не менее, стихийно этот процесс уже начат. Размышления о клаустрофобном сжатии мира вокруг индивида, можно проиллюстрировать и мыслью другого заметного представителя философии XX столетия: у Поля Вирильо мы также встречаем запущенный ускорением коммуникации, как в материальном, так и в информационном планах, мотив сокращения непосредственно человеческого пространства [8, стр. 137–139]. В таких условиях, которые были заданы технологической динамикой и социокультурными изменениями в истории XX века, особенно важными становятся способы и модусы технологического делигирования.

С.В. Соколовский характеризует делегирование как один из пяти техносоматических подходов, который существует с самого зарождения философии технологии [9, стр. 66]. Он определяет делегирование как технологический процесс, в ходе которого воссоздаются не органы и подсистемы организма, а схемы его действий. Действие понимается как единство целевой установки, воли, принуждения и физического движения, но без вовлечения эмоциональной стороны действия, поскольку технологические артефакты не испытывают аффектов [9, стр. 67–73]. Однако, возвращаясь к во-

просу об экономике без людей, вовсе не обязательно, чтобы субъекты, вовлеченные в её функционирование, обладали эмоциями или собственной волей. Этим новым экономическим субъектам достаточно либо имитировать поведение человека, либо хотя бы уметь выполнять ряд различных действий, которые мы считаем экономической деятельностью, оставаясь при этом холодными и бесчувственными. Чтобы понять, могут ли объекты, соответствующие приведенному выше определению, развивать экономику без вмешательства человека, необходимо понять, что лежит на базовом уровне в идее экономического процесса. Далее мы рассмотрим три уровня экономических взаимодействий.

Первый уровень — это реальность экономической политики. На этом уровне расположены международные ценности, идеологии, глобальные цели, политические программы и лозунги. В рамках плановой экономики гораздо проще представить ситуацию технологического делегирования как ценностную установку, по той причине, что чаще всего ей соответствует некоторый модернистский социальный проект, в котором достаточно распространён мотив освобождения через технику. Примером может служить проект правительства Чили «Киберсин» или советский проект ОГАС — национальной системы компьютерного экономического планирования, разрабатывавшейся в 1960-80-х гг.

В то же время рыночная экономика внезапно становится более способной к такому радикальному шагу. Даже если не принимать во внимание тот факт, что большинство футурологических акселерационистских проектов основаны на рынке, уже существующая этика цифрового бизнеса содержит утилитаристские обоснования делегирования полномочий. Например, практика по сбору и обработке персональных данных включает в себя такие явления, как «НТТР cookies» и большие данные, которые собираются и обрабатываются для улучшения пользовательского опыта, тонкой настройки рекламы и, в будущем, персонализации производства. И вся IT-сфера с ее целями ускорить процессы, сделать их дешевле, проще и эффективнее направлена на то, чтобы угодить клиенту, чтобы, в конечном счете, доставить удовольствие. Таким образом, главной

целью такой экономической деятельности декларируется максимальное удовлетворение клиента. Как мы знаем от таких мыслителей, как Славой Жижек, радикальным действием сегодня является отказ от наслаждения и это действие направлено против рынка, против потребления. Таким образом, рыночный выбор, ориентированный на потребление, заключается в приобретении большего количества товаров, и технические средства для этого являются наилучшим возможным способом, становясь на одну сторону с движущими силами рынка. Система, опять же, саморегулируемая и не имеет собственных целей, для того чтобы вытеснить человека из экономики, достаточно, чтобы законы рынка совпадали с технологическими возможностями экономических субъектов, делегированных пост-человеческим путем.

Второй уровень — это реальность проявлений экономики, ее тенденций, а также экономические институты. На этом уровне следует отметить, что персонализация и адресность в производстве и продвижении товаров уже практически институционализированы. Существует тенденция накапливать знания о клиентах, и конечная цель этого процесса — изучить их как можно тщательнее. Это привлекает к маркетинговым исследованиям большое количество интеллектуальных технологий и алгоритмов, задействованных в почти психоаналитической деятельности. И это работает, а этические проблемы решаются путем обезличивания данных. Более того, многим людям, вероятно, кажется более безопасным доверить информацию о себе машине, чем незнакомому человеку, потому что машина безразлична, она ничего не хочет, у нее нет собственных желаний. В то же время существует неприятие идеи о том, что мы выбираем товары сами, но рационально предположить, что это происходит в тех случаях, когда алгоритмы сработали плохо или когда за этими «советами» лежит чье-то намерение, ущемляющее нашу независимость. Иначе мы, вероятно, ничего бы не заметили и не почувствовали.

Третий уровень рассматривает экономическую практику. Каждый день человек сталкивается с множеством вариантов выбора, из которых единственным принципи-

ально невозможным является вариант не делать выбор. Традиционный экономический субъект также вынужден постоянно делать выбор и нести за него ответственность. Некоторая экономическая смелость, свойственная предприимчивым людям, как это уже не раз случалось в истории, стала динамичной силой экономики. Однако, если найдутся те нечеловеческие субъекты, которые будут непропорционально более эффективны и будут совершать меньше ошибок при принятии экономических решений, сможет ли предприимчивый экономический субъект выдержать такую конкуренцию?

Сегодня многие производственные процессы уже выполняются автоматически, исключая влияние человеческого фактора. Это уже знакомые огромные автоматизированные заводы в Китае и Южной Корее, беспилотные доставки и грузовые автомобили, в сфере коммерческого здравоохранения есть приложения для мониторинга состояния здоровья, а внутри клиник искусственные алгоритмы обрабатывают амбулаторные карты. Важную роль в ускорении этих процессов сыграла пандемия COVID-19 [1, стр. 98], [4, стр. 174]. Есть много примеров, но их пока недостаточно, чтобы сказать, что экономическая практика была полностью делегирована машинам, даже в рамках некоторой конкретной сферы [14, стр. 162]. С точки зрения бизнеса, во многих областях по-прежнему существует только сотрудничество между человеком и машиной. Со стороны клиентов, хотя роль программ и алгоритмов в выборе услуг и заметна, но все же не является ведущей. Машины советуют, а не принимают решения и не потребляют, что также заметно по практикам использования нейросетей в потребительском секторе.

Однако появление и частичная подготовка к внедрению таких концепций, как «Интернет вещей» (IoT) и «Интернет всего» (IoE), уже давно подготовили технологические решения для делегирования по крайней мере части экономической деятельности и, вероятно, самой древней — управления домашним хозяйством. Приборы для умного дома могут вести учет продуктов и расходных материалов, заказывать недостающие товары через сеть. В таких условиях человеку будет достаточно иметь необходимую сумму денег для оплаты услуг.

Есть, по крайней мере, одна область, в которой алгоритмы уже давно взаимодействуют друг с другом — алгоритмическая биржевая торговля. В этой области существуют торговые боты, как простые, так и самообучающиеся, боты-советники и алгоритмы для обнаружения ошибок в других интеллектуальных машинах. Однако при нынешнем уровне развития технологий это все еще рискованная инициатива. В контексте приведенных выше размышлений мы сталкиваемся с парадоксом: попытка избежать рисков сопряжена с большим риском. Тем не менее, в профильной литературе за последнее время появлялось немалое количество прогнозов полной автоматизации биржевых площадок. И в 2017 году [11, стр. 59] прогноз не сильно отличался по тональности от 2025 года, с тем уточнением, что современные исследования опираются уже на существующую практику и особенно высоко оценивают потенциал машинного обучения в краткосрочном трейдинге [7, стр. 121].

Заключение. Мы видим, что, несмотря на сложившиеся предпосылки для делегирования экономической деятельности, на практике они недостаточны, чтобы можно было говорить о появлении действительной пост-человеческой экономики. Эксперименты и практики корпорации «Black Rock», недавно представившей исследование о системе «AlphaAgents» для поддержки инвестиционных решений, пока еще привлекающая внимание редкость, но тем не менее симптоматичны [15, стр. 1-9]. Однако на уровне актуальной технологической экосистемы стыковка технологий, сводящая участие человека к нулю и создающая «безлюдную» экономику, как минимум концептуально возможна. С учетом современных тенденций и возможностей дополнять и вписывать в рынок и экономическую политику новые элементы, которые будут этически комплементарны, это вполне возможно. Техника пока еще не достигла необходимого совершенства, но со всей вероятностью ситуация будет меняться. Уже сегодня ясно, что благодаря способности к самообучению и, таким образом, повышению своей производительности, роботы смогут генерировать прибавочную стоимость. Также, пост-человеческая экономика может начаться с определенной высокоинтенсивной

сферы, очаги которой уже распределяются по современному деловому ландшафту. Даже без перестройки экономики возможно появление узкоспециализированных областей, где не останется места для человека.

Сейчас многие научные теории строят предположения о мире, исходя из концепции, согласно которой люди либо исключены, либо участвуют в нем наравне со многими другими действующими лицами. То же самое происходит, например, в искусстве. Вероятно, мы пришли к определенному уровню осознания общества (и мира в целом) как разрозненного, гетерогенного образования. И при всей мрачной окраске этих теорий, они на самом деле могут давать положительные результаты. Мы можем взглянуть на мир с другой точки зрения и, таким образом, разработать стратегии устойчивого сосуществования. Устойчивое сосуществование человека и пластика, стекла, бумаги, твердых бытовых отходов и ледников ведет к экологическому процветанию. Безопасное сосуществование человека и дорожной разметки, светофоров, транспортных потоков и лежачих полицейских ведет к созданию безопасных дорог и городской среды в целом. Аналогичным образом, в экономике продуктивное сосуществование людей и поисковых систем, поисковых алгоритмов, торговых алгоритмов, аналитических программ и обучающихся машин может привести к экономическому процветанию. Однако понятие «экономическое процветание» для машин и для людей не обязательно будет означать одно и то же. Как мы

уже указывали выше, человеческие модели поведения, делегированные технологии, воспроизводятся без (как минимум) этической рефлексии, в то время как деятельность человека всегда подразумевает имплицитную прослойку этического обоснования, даже самого незамысловатого. В деятельности машины запрограммирована этика действий, и даже если машина развивается независимо, она не выходит за эти рамки. Вот почему шутка, с которой мы начали, так важна для нас. Мощный компьютер, разрабатываемый в рамках программы, сможет довести ее до полного апофеоза, до гиперболизированного состояния, до абсурда. Таким образом, важно не только понимать работу машины, но и уметь направить ее таким образом, чтобы исключить запуск подобного процесса, особенно учитывая, что развиваться он может со скоростью, исключающей последующий контроль.

В самом начале статьи мы писали, что вопрос в том, насколько серьезно мы можем относиться к возможности экономики без людей. Наверное, максимум, на что здесь можно отважиться, — это предположить, что такая система возникнет не извне технологии, а изнутри. В гипотетической ситуации, в которой саморазвивающийся алгоритм сможет получить доступ к необходимым ресурсам и, подчиняясь логике рынка, самовоспроизводиться, расширяться и генерировать для себя спрос, вероятно, получится что-то вроде экономики без человека. Но будет ли этот объект экономическим по своей сути?

Список литературы

1. Автоматизация производства в современной экономике и ее влияние на рынок труда / И. В. Минакова, Д. В. Ермолаев, А. И. Панова, А. С. Тубольцева // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – № 1(64). – С. 93-100. – DOI 10.22394/1997-4469-2024-64-1-93-100. – EDN NTFFYO.
2. Емелин, В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 62-70. – EDN SCAPKJ.
3. Кривцов А. И., Громов М.С. Технологические инструменты в рамках командного менеджмента: современные решения для повышения производительности / А. И. Кривцов, М. С. Громов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 7, № 8(149). – С. 171-177. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.08.07.022. – EDN HJSUSX.
4. Лешкевич Т. Г. Цифровое «расщепление» повседневности / Т. Г. Лешкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 446-459. – DOI 10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459. – EDN SYDEJL.
5. Мазин В. А. Машина влияния. - М.: Издательство Института Гайдара, 2018. - 256 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле»,

2003. — 464 с.

7. Митрюхина Е. А. Применение машинного обучения и статистических методов в краткосрочной биржевой торговле / Е. А. Митрюхина, Д. А. Кудинов, А. Д. Жуков // *Kant*. 2025. – № 1(54). – С. 114-122. – DOI 10.24923/2222-243X.2025-54.17. – EDN FLRJUV.

8. Сидоров А. М. Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство / А. М. Сидоров // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2012. – Т. 2, № 3. – С. 137-144. – EDN PJCJZ.

9. Соколовский С. В. Человек 2.0 в фокусе антропологии / С. В. Соколовский // *Сибирские исторические исследования*. – 2018. – № 3. – С. 65-78. – DOI 10.17223/2312461X/21/5. – EDN YAUVPV.

10. Сухих В. В. Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий / В. В. Сухих // *AlterEconomics*. – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 54-65. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5. – EDN TXTFTK.

11. Тимофеев А. Г. Рынок готовится к алгоритмической торговле / А. Г. Тимофеев, О. Г. Лебединская // *Транспортное дело России*. – 2017. – № 5. – С. 57-59. – EDN ZWOTJF.

12. Третьяков Я.А. Право и мораль в эпоху трансгуманистического перехода // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 6. С. 83–90. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.6.10>.

13. Фрейд З. Недовольство культурой. - М.: Фолио, 2013. - 222 с.

14. Яхнеева И. В. Интеллектуальная автоматизация маркетинга: угроза или возможность? / И. В. Яхнеева, А. В. Павлова // *Вопросы инновационной экономики*. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 155-166. – DOI 10.18334/vines.12.1.114116. – EDN OCYJJY.

15. Zhao T., Lyu J., Jones S., Garber H., Pasquali S., & Mehta D. (2025). AlphaAgents: Large Language Model based Multi-Agents for Equity Portfolio Constructions.

IMAGES OF POST-HUMAN ECONOMY: A HISTORICAL RETROSPECTIVE OF TECHNOLOGICAL DELEGATION¹

Is the economy possible without people? This question itself sounds like a joke, but the authors of the essay try to approach it seriously. In order for the economy, as a combination of politics, institutions, relations between people, to exist without us, it must be delegated. Delegation is one of the many ways we interact with technology, and this essay focuses on it. Studying the theoretical grounds for the possibilities of such delegation, the study only superficially touches on practical issues, focusing on the conceptual aspect. The purpose of this theoretical approach is to define the framework of the discussion about posthumanist economics and to reveal its basic concepts. Such reflection makes us once again think about the main issues of a purely human economy, what are its basic conceptual boundaries, what is the role of technology and human in its existence? Without a broad discussion about the economy without people, it is impossible to fully realize the place of human in the traditional economy, so even if posthumanist economics remains something between science fiction and theoretical utopia, it will allow us to get a look from the outside.

Keywords: posthumanist economics, digitalization, technological delegation, personalized production, economic futurology, knowledge economy, media, posthumanism.

References

1. Avtomatizaciya proizvodstva v sovremennoj ekonomike i ee vliyanie na rynek truda (2024) [Auto-mation of production in the modern economy and its impact on the labor market]. In: *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. – № 1(64). – P. 93-100.

2. Emelin V. A. (2013) Kiborgizaciya i invalidizaciya tekhnologicheskij rasshirennoy cheloveka [Cy-borgization and disability of a technologically enhanced human being]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. – № 1(9). – P. 62-70.

3. Freud Sigmund (2002) *Civilization and Its Discontents*, Penguin.

4. Krivcov A. I., Gromov M.S. (2024) Tekhnologicheskie instrumenty v ramkah komandnogo menedzhmenta: sovremennye resheniya dlya povysheniya proizvoditel'nosti [Technological tools within the framework of team management: modern solutions for increasing productivity]. In:

¹ The paper was prepared with support from the Russian Science Foundations, project no. 23-78-10093.

Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. – Т. 7, № 8(149). – P. 171-177.

5. Leshkevich T. G. (2025) Cifrovое «rasshcheplenie» povsednevnosti [The digital "splitting" of everyday life]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya.* – Т. 29, № 2. – P. 446-459.

6. Mazin, V. A. (2018) *Mashina vliyanija* [The influence machine]. М.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. - 256 p.

7. McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man* (1st ed.). New York: McGraw Hill.

8. Mitryuhina E. A. (2025) *Primenenie mashinnogo obucheniya i statisticheskikh metodov v krat-kosrochnoj birzhevoj trgovle* [Application of machine learning and statistical methods in short-term stock trading]. In: *Kant.* – № 1(54). – P. 114-122.

9. Sidorov A. M. (2012) *Pol' Viril'o: telo, skorost' i sovremennoe iskusstvo* [Paul Virilio: Body, Speed, and Contemporary Art]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* – Т. 2, № 3. – S. 137-144.

10. Sokolovskij S. V. (2018) *Chelovek 2.0 v fokuse antropologii* [Human 2.0 in the Focus of Anthropology]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya.* – № 3. – P. 65-78.

11. Suhij V. V. (2025) *Cifrovaya revolyuciya, krizis ekonomicheskoy teorii i vozvrashchenie utopij* [The digital revolution, the crisis of economic theory, and the return of utopias]. In: *AlterEconomics.* – Т. 22, № 1. – P. 54-65.

12. Timofeev A. G. (2017) *Rynok gotovitsya k algoritmicheskoy trgovle* [The market is preparing for algorithmic trading]. In: *Transportnoe delo Rossii.* – № 5. – P. 57-59.

13. Tret'yakov Ya.A. (2025) *Pravo i moral' v epohu transgumanisticheskogo perekhoda* [The Law and Morality in the Era of Transhumanism]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* - № 6. P. 83–90.

14. Yahneeva I. V. (2022) *Intellektual'naya avtomatizaciya marketinga: ugroza ili vozmozhnost'?* [Smart Marketing Automation: A Threat or an Opportunity?]. In: *Voprosy innovacionnoj ekonomiki.* – Т. 12, № 1. – P. 155-166.

15. Zhao T., Lyu J., Jones S., Garber H., Pasquali S., & Mehta D. (2025). *AlphaAgents: Large Language Model based Multi-Agents for Equity Portfolio Constructions.*

Об авторе

Чертовских Матвей Григорьевич — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России (Россия), E-mail: matt780@mail.ru

Chertovskikh Matvey Grigorievich — PhD in Philosophy, Lecturer at the Department of Philosophy named after A.F. Shishkin, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia), E-mail: matt780@mail.ru